

В день рождения королевы-матери все члены семьи Хань, за исключением Хань Минчжу и Хань Сянь, с большим интересом готовились отправиться во дворец, чтобы принять участие в грандиозном банкете.

***

Хань Сянь и Хань Минчжу были немного рассеянны. Хань Сянь, как и все остальные, продолжал стоять на коленях, и ждал, когда войти во дворец. Как молодому человеку новой эпохи, ему совсем не очень нравилось это дело. Но отсутствие интереса у Хань Минчжу объяснялось тем, что она только хотела увидеть тетю Хань Юнь.

Госпожа Ван не слишком много рассказывала ей о прошлом, но из нескольких слов можно представить, как эта наложница Сянь одним шагом поднялась на небо.

Казалось, что болезнь Хань Сяня в доме Хань не имеет к ней никакого отношения, но Хань Минчжу в это не верила.

Но независимо от того, с чем она столкнется сегодня, она должна быть спокойна и хорошо справиться с этим.

Императорский банкет проводился вечером при свете свечей. Но в течение дня люди со статусом семьи Хоу из разных префектур должны были отправиться во дворец, чтобы встретиться с королевой-матерью.

Увидеть самую благородную женщину в мире, как правило, могли только дамы с очень высоким статусом.

В прошлом, когда Ван Е была жива, она вела семью на такие встречи. Позже наложница Лю, вышла замуж за Хань Чжо, но получила только второй ранг от вдовствующей императрицы.

В общем, только старая госпожа из семьи Хань теперь могла приводить во дворец на встречу с королевой-матерью.

Этот день также считается, днём воссоединения семьи. Утверждается, что если кто-то из членов семьи стал наложницей во дворце, они могут пригласить всех младших членов семьи, чтобы облегчить боль от разделения плоти и крови.

Многие люди жаждут такой возможности показать свое лицо перед высокопоставленными лицами, и семья Хань не исключение.

Хань Сянь посмотрел на возбужденную толпу, его интерес действительно был не велик. В этой династии, власть сосредоточена на самой высокой точке пирамиды, и люди, которые здесь находятся, могут распоряжаться жизнью и смертью других, только открыв рот.

Хотя Хань Сяня не волновало, жив он или мертв, но, когда это оценивались таким образом, ему не нравилось.

В сочетании с необходимостью преклонять колени на каждом шагу, кажется, ему это уже надоело.

На этот раз Хань Цинъюнь, старшую дочь второго дома, оставили дома из-за плохого самочувствия, поэтому пожилая дама привела с собой Хэ Ючжу.

Рана на запястье Хэ Ючжу до сих пор не зажила. Чтобы избежать проблем на церемонии перед храмом, шину с ее запястья сняли.

Естественно, это идея Хань Сю. Она считала, что это очень хорошая возможность, и ее нельзя упускать.

Невестке Чжан со второго двора была недовольна отношением Хань Сю, но старшая госпожа согласилась, и ей нечего было сказать.

Что сделало ее счастливой, так это то, что Вэнь Ши тоже понесла большую потерю, её дочь не могла присутствовать на церемонии.

Чжан радостно подумала: "Вэнь Ши не терпится съесть Хань Сю".

Независимо от того, что она втайне думала, перед посторонними она все равно улыбалась и вели себя очень по родственному.

Вскоре подошёл распорядитель из канцелярии, и поступил приказ семье Хань войти во дворец.

Старую госпожу, изначально звали Ипин Хао, и в гареме были высокопоставленные наложницы её семьи. За исключением родственников императора, семья Хань принадлежала к первому кругу.

Дворец пережил бесчисленные династии, и в нем слишком много призраков. Хань Сянь стоял в толпе и чувствовал холодную и отчаянную ауру вокруг себя.

Он смотрел на медленно движущуюся толпу и прислушивался к различным голосам, исходящим из глубины сердец этих людей, эхом отражающимся от отчаяния запечатанного в дворцовых стенах, что наполняло сердце Хань Сяня нетерпением.

Все его тело было болезненным, и Хань Сянь ясно чувствовал, что его выносливость постепенно исчезает.

Хань Сянь тяжело дышал. Он изо всех сил старался закрыть свое сознание и позволить голове стать пустой, но он все еще чувствовал подавленность, онемение и кровь, исходящие от дворцовых стен.

У Хань Сяня было предчувствие, что он скоро не сможет играть эту сцену.

Хань Ювэнь, стоявший сбоку, наблюдал, как Хань Сянь хмурит брови. Он думал, что тот был напуган, раз впервые вошел во дворец, и не знает, что делать.

Он слегка ткнул Хань Сяня пальцем в талию и прошептал: “Королева-мать очень добра. Когда я впервые вошел во дворец, я забыл, правила церемонии. В конце концов, я заплакал. Королева-мать дала мне два куска рисовых лепешек, чтобы подбодрить меня.”

Хань Сянь взглянул на Хань Юэвэня, и тот почувствовал, что этот человек посчитал его умственно отсталым.

Хань Юйвэнь глубоко вздохнул, стиснул зубы и отодвинулся от Хань Сяня.

В глубине души он проклинал то, что только что сделал, этот парень очевидно скучал и на желал ни с кем не иметь ничего общего.

Хань Юэчжун и Хань Юэцин, стоявшие сбоку, посмотрели на Хань Юэвэня, переглянулись и молча улыбнулись.

Семья Хань вошла во дворец Фэнъи, чтобы встретиться с королевой-матерью. За исключением Хань яня, все остальные члены семьи Хань последовали за старой госпожой и поклонились королеве-матери.

Хань Сянь стоял прямо, свирепо нахмурившись, злобно уставившись на ширму позади королевы-матери, пот стекал по его лбу, как будто там было что-то, что пугало его. Его выражение лица в сочетании с болезненным и страдающим видом, казалось, что он готов упасть в обморок в любой момент.

Королева-мать изначально сидела на высоком троне, а императрица и наложницы чуть ниже, они рассказывали ей новости и делали ее счастливой.

Видя эту ситуацию, все наложницы нахмурились, но промолчали. Все они чувствовали, что Хань Сянь ненормален, и все они жаловались в своих сердцах. Что семья Хань сделала, чтобы он стал таким?

Были также смелые, думающие про себя: у этого человека, демоническое выражение лица. Говорят, что люди, которые находились на пороге смерти, могут видеть что-то странное. Мог ли этот человек что-то увидеть в этих покоях?

Королева-мать не только не обвинила Хань Сяня в грубости, она также попросила его сесть в сторонке и отдохнуть, после того, как позволила всем членам семьи Хань встать.

Королева-мать увидела, что Хань Сянь присел на несколько минут, затем взяла старую госпожу за руку и похвалила: "Старая госпожа Хань родила хорошую дочь, которая срезала ветки и разбросала листья для императорской семьи. Она должна обратить внимание на свое здоровье, раз становится старше".

Тронутая вниманием королевы-матери, старая госпожа вытерла слезы и продолжала преклонять колени и кланяться, чтобы поблагодарить за ее заботу.

Королева-мать лично помогла ей подняться, взяла старую госпожу за руку и попросила ее сесть рядом с ней, затем посмотрела на группу младших членов семьи Хань и любезно спросила: "Я слышала, что наследник выздоровел, поэтому я хотела бы взглянуть на него."

Хань Сянь вздохнул и терпеливо вышел вперед, но все же не опустился на колени, поэтому он спокойно стоял, позволяя королеве-матери оглядеть его со всех сторон. Его поведение было действительно высокомерным.

Глаза старой госпожи напряженно следили за ним, они были пугающе яркими.

Другие члены семьи Хань, стоявшие позади нее, не могли дождаться, чтобы сделать шаг вперед и сломать ему ноги и позволить встать на колени.

В повисшей тишине женщина, сидевшая слева от королевы-матери в розово-красном дворцовом платье, поджала губы и улыбнулась. Она была очень красива, со светлой кожей и темными глазами. Она улыбнулась и посмотрела на Хань Юнь, сидевшую чуть ниже: "Мама, у наследника благородного дома Хань, не было матери, которая могла бы научить его манерам. Пора найти ему хорошего учителя, иначе наложнице Сянь некуда будет девать свое лицо."

Эта женщина - первая племянница вдовствующей императрицы.

"Ваше высочество правы. Из-за того, что я круглый год был болен и лежал в постели, я мало читал, и действительно не знаю правил," - сухо ответил Хань Сянь, встав и нахмурившись.

Когда женщина в красном услышала это, она тут же нахмурилась и отругала его: "Поскольку наследник болел круглый год, он должен лежать дома и заниматься самосовершенствованием. Сегодня большой день королевы-матери. Он пришел сюда с болезнью, но не боится заразить королеву-мать?"

Хань Сянь поднял на нее глаза: "Доктор Чжоу приходил ко мне каждые три дня. Естественно, он проверил, что я в добром здравии, прежде чем позволить мне присутствовать на банкете по случаю дня рождения королевы-матери. Просто, хотя я и не читал книги, я желаю королеве-

матери тысячи лет, и знаю, что у нее драконья аура первого императора, защищающая ее тело. Как может ваше высочество проклинать королеву-мать болезнью в великий день? Разве это не проявление неуважения к королеве-матери?"

Дворец строго иерархичен, и женщина в красном всегда верила в свою непогрешимость. В этот момент она была ошеломлена, услышав прямой риторический вопрос Хань Сяня.

Она бросилась признавать себя виновной перед королевой-матерью, плача и рыдая, говоря, что Хань Сянь намеренно исказил смысл ее слов, таким образом презирая величие императорской семьи. Он должен быть немедленно допрошен.

Королева-мать, естественно, не винила Хань Сяня, но выражение ее лица померкло, когда она посмотрела на семью Хань, и она отпустила руку старой госпожи.

Она посмотрела на Хань Юнь, которая лениво сидела на месте наложницы, и сказала: "Наложница Сянь, это родственники твоей семьи. Вы давно не виделись. Ты должна забрать их к себе во дворец, чтобы наверстать упущенное. Вы можете уйти."

То, что она сказала, эквивалентно тому, как если бы она указала на нос Хань Юнь и сказала ей катиться, то есть бросила лицо наложницы на землю и наступила на него.

Под насмешливыми взглядами наложниц, Хань Юнь встала, покраснев, поклонилась королеве-матери, а затем ушла со всеми членами семьи Хань.

В гневе Хань Юнь почувствовала, что сегодняшний день можно назвать самым неловким моментом в ее жизни. Думая, что после сегодняшнего, наложницы в гареме будут высмеивать ее за это, Хань Юнь не могла дождаться, чтобы немедленно убить Хань Сяня.

А остальные члены семьи Хань смотрели на Хань Сяня, гадая, какие неприятности он еще создаст? Если он осмелился быть таким грубым в присутствии королевы-матери, кажется, что он готов умереть.

Хань Юнь дрожа от гнева, подошла к воротам дворца Чансинь, где жила. На своей собственной территории Хань Юнь обладала твердым характером. Она повернула голову, холодно посмотрела на Хань Сяня и злобно сказала: "Если ты не понимаешь правил, я могу найти кого-нибудь, кто хорошо научит тебя. Теперь, ты становишься на колени перед воротами этого дворца и изучаешь правила. Это тебе не задний двор дома Хань, так что мы не можем позволить тебе, вести себя так."

Хань Сянь, которому в нос пахнуло кровью, а голова все время испытывала острую боль, в этот момент разозлился. Он посмотрел на Хань Юнь, открыл рот и выплюнул два слова: "Умственно отсталая."

<http://bllate.org/book/13913/1226102>